

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ВЕСТНИК НГУ

**СЕРИЯ: ЛИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ**

**Том 1
Выпуск 1**

**Новосибирск
2003**

ББК Ш 100.3
УДК 4+008+009

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация /
Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2003. Т. 1. Вып. 1. 132 с.

ISBN 5-94356-107-2

Редакционный совет

Степанов Ю. С., д-р филол. наук, проф., акад. РАН (председатель),
Каплуненко А. М., д-р филол. наук, проф.,
Куркина Г. Г., канд. филол. наук, доц.,
Курлянд Э. Е., канд. филол. наук, проф.,
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.,
Семенюк Н. Н., д-р филол. наук, проф.,
Соколова Г. Г., д-р филол. наук, проф.,
Трунова О. В., д-р филол. наук, проф.

Редакционная коллегия выпуска

Шапошникова И. В., д-р филол. наук, проф. (глав. ред.),
Проскурин С. Г., д-р филол. наук (зам. глав. ред.),
Карасик В. И., д-р филол. наук, проф.,
Козлова Л. А., д-р филол. наук, проф.,
Осипова О. А., д-р филол. наук, проф.,
Рыжкина О. А., канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь),
Перминова Т. А., канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь)

Редакторы иноязычного текста

Мишель Дебрэнн (Новосибирск), канд. филол. наук, доц.,
Диана Глазго (США),
Аннетт Гильберт (Германия)

ISBN 5-94356-107-2

© Новосибирский государственный
университет, 2003

© Коллектив авторов, 2003

CONTENTS

Semiotics of Language and Culture

STEPANOV YU. S. Sense, absurdity, and euphemism	7
---	---

Text and Discourse Studies

BABAYEVA Y. V. Discourse evaluation of value systems	11
YELINA Y. A. The language of painting through the verbal language of art-criticism	16
KOSLOV Y. V. Art discourse of mass media (in the light of text genetics).....	21
PETROVA N. V. Intexts in the cross-textual space.....	28

History of Language

IGNATYEVA T. G. Nominalization of characters in Old French texts.....	32
NOVITSKAYA I. V. Abstract nouns in the system of Gothic declensions	38
SHAPOSHNIKOVA I. V. About a new project of the book «A History of English»	41

Methods of Conceptual Analysis

KOLESOV I. YU. Verbal representation of the concept «visual perception» in English and Russian	46
STEPANENKO V. A. The prototype of the concept «soul» (on the materials of German, English and Russian languages).....	57
TARASOVA I. A. Cultural concepts in Ivanov's poems of the emigration period.....	65

Language variation

MERKURYEVA V. B. Literary substance in dialectal drama	70
MERKURYEVA V. B. Popularization of dialect in drama	74
MOSKALYUK L. I. Lexical peculiarities of the German dialects in the Altai	78

Theory and Methodology of Translation

PROSKURIN S. G. Principles of the theory of translation.....	83
PSHONKINA T. G. «Picture-forming» function of language and its realisation in translation	88

Systemic Analysis of Linguistic Units and Structures

DOBRITCHEV S. A. Conversive relationships in English.....	97
SKOROBUTOV D. A. Polysemy and homonymy in the phraseological subsystems of Romance and Germanic languages	105
SONGOLOVA J. G. Semantic and syntactic correlation of the verbs <i>give</i> and <i>get</i> in the secondary analytical constructions.....	110

Discussions of Problematic Areas

ELSEN H. Language acquisition and language change.....	115
--	-----

Materials and Information

KULGAVAJA V. N. The concept «silence» in fiction texts	126
--	-----

Linguistic News from Siberia

«Germanic Studies in Russia. Traditions and Perspectives». Linguistic seminar.....	128
Dissertations	128

Our contributors.....	131
-----------------------	-----

Instructions to Contributors.....	132
-----------------------------------	-----

Хильке Эльзен

ОВЛАДЕНИЕ ЯЗЫКОМ И ЯЗЫКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ *

Введение

Ещё в прошлом столетии широкое распространение получила точка зрения о том, что дети активно участвуют в изменении языка. Г. Пауль [47], например, считал, что поначалу лишь некоторое, а затем всё большее количество индивидуумов учится от других индивидуумов отошедшему от нормы произношению. Так накапливаются незначительные изменения, которые остаются незамеченными и входят в систему языка. Явный сдвиг происходит при смене поколений [Ibid. P. 62]. По мнению генеративистов, каждый ребёнок создаёт свой язык заново. Первоначальное овладение языком – это процесс, в котором конструируется самая элементарная, а поэтому оптимальная грамматика, допускающая выражения, которые слышит ребёнок. Дети реструктурируют грамматику взрослых, употребляя более простые правила для создания той же самой поверхностной структуры (*restructuring* – см. первоначально [29]. На пути к языку взрослых ими создаются промежуточные грамматики, от которых они впоследствии отказываются. В отдельных случаях какие-то части упрощённой грамматики сохраняются и принимаются языковой системой. В то время как у взрослых изменение языка происходит путём добавления правил, у детей – путём их упрощения из-за недостаточной их изученности, *imperfect learning* [34] или путём потери правил / в связи с их несформированностью, «неовладения правилами» (*rule loss*, «*rule nonacquisition*» – см. [33. P. 77]). Различия в импульсах (*Trigger-Erfahrung*) ведут к различиям в расстановке параметров от поколения к поколению [38. S. 213; 39]. Изменение по аналогии, как особый случай упрощения правил, берёт свои истоки в языке детей, так как оно там особенно часто встречается [34. P. 52]. Антипа также придаёт большое значение роли детей в языковом изменении, прежде всего, образованиях по аналогии [4]. Тот факт, что дети, овладевая языком, часто делают ошибки,

мог бы навести на мысль о врождённой естественной системе языковых правил, которая в процессе овладения должна модифицироваться, пока не будет соответствовать овладеваемому языку. Это мнение возникло в ходе дискуссии о фонологической теории образования. «Естественная» фонология (*Natural phonology*) исходит из того, что естественные фонологические процессы даны ребёнку от рождения. В зависимости от языка они могут ограничиваться, подавляться и вновь систематизироваться в соответствии со спецификой усваиваемой звуковой системы. Если ребёнку на каком-либо этапе это не удаётся, происходит изменение. В новых разработках с позиций «естественного» подхода дети являются инициаторами диахронического изменения. Различные грамматические явления говорящий и слушающий нагружают с различной интенсивностью. Например, длинные (многосложные) слова требуют больше затрат на их производство и дольше воспринимаются на слух, но несут в себе больше информации, чем короткие (односложные) слова, что постоянно приводит к компромиссным решениям, т.е. нарушению правил и устранению маркированности соответствующего языкового явления. Таким образом, изменение можно понять через ослабление маркированности. Так как дети принципиально пытаются устранить маркированность, они, по сути, ответственны за изменение [16, 60, 61]. Новое генеративное направление – теория оптимальности (*Optimality Theory*), которое смыкается с «естественным» подходом, исходит из того, что человеческие языки характеризуются специфической для каждого конфигурацией (+/- маркированных или важных) универсальных языковых ограничений. Изменение означает перегруппировку этих ограничений или смещение в релевантности, что происходит в случае неточной передачи от одного поколения другому информации о конфигурации ограничений [5]. Именно от детей исходит неточное постижение базовой системы усваиваемого языка, что в дальнейшем становится причиной его изменения.

* Перевод В. А. Степаненко, примечания и редакция Т. А. Перминовой; раздел «Сетевые модели» публикуется в переводе Т. А. Перминовой.

Первые работы по данной проблеме посвящены изменениям звукового состава языка [3, 4, 13–15, 29, 34, 54, 56]. Барон исследует синтаксический аспект проблемы [6]. Она сравнивает овладение перифрастическими каузативными образованиями и процесс их изменения на материале английского языка. Анализируя сходства, автор подкрепляет гипотезу о том, что именно дети способствовали введению и распространению различных новых перифрастических каузативных конструкций в истории английского языка [Ibid. P. 289]. За взаимосвязь на морфологическом уровне выступают Вурцель и Байби Хупер [8, 61]. Теория оптимальности берёт своё начало в фонологии. Дальнейшее развитие теории овладения языком также связывается с фонологическими структурами [7].

Данные о различных формах языковых изменений

Итак, авторская аргументация в приведённых выше работах сводится, как правило, к тому, что имеется некая общность между процессом усвоения языка ребёнком и диахроническим развитием языка, и что именно поэтому причины языковых изменений следует искать в речи детей [6, 9, 15, 49, 56]. Проведение параллелей ограничивается материалами исследований причинных связей в предложении. Даже Байби Хупер, высказываясь очень критично по этому вопросу, находит некоторое сходство между языком взрослых и детей, усматривая в детях причину языковых изменений, поскольку именно они постоянно инициируют новшества [8]. Эти нововведения частично допускаются взрослыми, что в конце концов приводит к изменению.

Согласиться с тем, что между языком детей и диахроническим развитием языка есть некоторые сходства конечно же можно. Но из этого вовсе не следует заключать, что основная причина изменения языка – в детях, хотя в отдельных случаях не исключено, что это именно так. Дети и взрослые используют примерно одинаковые стратегии и имеют сопоставимую, но, однако, несовершенную (*versus ausgereiftes*) систему обработки информации, что и приводит к тождеству и некоторым параллелям при языковом производстве. Дело не в том, что дети инициируют языковое изменение, а в том, что детские языковые процессы и диахронические явления, как, впрочем, многие разговорные и упрощённые языковые примеры (Pidgin-Belege) основываются на сходных механизмах обработки информации. Келлер, Эйтчисон и Макмаон исходят также из того, что изменение

берёт своё начало в синхронной вариантности языка взрослых [1, 32, 45].

Многочисленные исследования подтверждают, что различные формы языкового изменения имеют разнообразные сходства. Например, Гивон, исследуя данные овладения языком, диахронического развития, языкового контакта, формальности / неформальности речи, на материале различных языков показал дискурсивную природу возникновения новой синтаксической структуры и то, как в ней затем медленно происходят изменения [27, 28]. При этом информация может быть потеряна на одном из языковых уровней, вербализуясь на другом. Так, в немецком языке указания на множественное число и падеж содержались раньше только в окончаниях, в настоящее время – отчасти только в артикле. В английском языке субъект маркируется уже не именительным падежом, как раньше, а позицией в структуре предложения. Смещение уровня кодирования постоянно проявляется во всех формах языкового изменения – в разговорной и официальной речи, в диахроническом изменении, при языковом контакте и при овладении языком. Различные старые и новые формы сосуществуют друг с другом до тех пор, пока одна из них не станет предпочтительнее, а затем будет использоваться только она. Есть, к примеру, основания полагать, что немецкий язык вскоре лишится сослагательного наклонения (*Konjunktiv*). Пока же мы всё ещё употребляем и *ich käme* и *ich würde kommen*. Первая форма встречается уже не так часто и употребляется лишь в письменной речи.

В разговорной речи также имеется возможность выбора между различными вариантами произношения, например, [ham] / [hābən] *haben*. С морфологической точки зрения предпочтение отдаётся тем формам, которые прозрачнее, с фонетической – тем, которые короче. Чем больше информации передаётся через общий контекст, тем менее важным становится окончание и тем легче мы можем от него отказаться.

В истории языка также наблюдалась потеря окончаний. Смещение ударения в слове постепенно привело к ослаблению аффиксов в древневерхнемецком. Древневерхнемецкие окончания ещё содержали различные нередуцированные гласные, ср.: д.-в.-н. *zunga* 'Zunge', *kneo* 'Knie', *wurmi* 'Würmer'. В с.-в.-н. находим только Schwa (редуцированное *e*), например: *mhd. zunge, knie, wärme*. Ослабление и распад конечного слога привели к изменению системы флексий. Безударный слабый *e* не оказывает никакого влияния на смысловозначение. Последовавшая вслед за перемещением ударения редукция и соответственно исчезновение индоевропейских окончаний повлекли за собой перераспределение функциональной нагрузки

между языковыми средствами. В современном немецком языке функции, ранее выполнявшиеся окончаниями, взяли на себя чередования гласных (умлаут: мн. число, ср.: *Apfel, Böden*), а также местоимения, артикль и другие аналитические образования. Вместо того чтобы репрезентироваться в окончаниях, информация накапливается в самостоятельных лексемах. Перифрастические формы тоже употребляются детьми. Они могут быть образованы через флексии лица / числа только для глагола, а именно вспомогательного глагола, например: *ich mache pieppiep, du machst miau, er macht wauwau* вместо *ich piepse, du miaust, er bellt*. Для детей аналитические формы дают возможность отделить лексическую информацию от морфологической. Это, несомненно, помогает им в процессе обработки информации (Ср.: [20. P. 105]). Иначе происходит преобразование слов в грамматические показатели (флексии). Германский маркёр претерита слабых глаголов должно быть восходит к словосложению и последовавшей за этим редукции формы глагола *tun* (среди прочих [36. P. 306; 48. P. 253]). В индоевропейском языке окончания глаголов в единственном числе (*-m, *-s, *-t) вероятнее всего возникли в результате агглютинации личных местоимений (среди прочих [37. P. 15]). В д.-в.-н. одно из окончаний для второго лица единственного числа было удлинено благодаря энклитику – местоимению *thu/du*, ср.: ahd. -s > -st, *lisistu, suachistu* (среди прочих [57; 59. P. 202]). В н.-в.-н. это явление также имеет место в разговорном языке, ср.: nhd. *haste, sagste, kannst* для *hast du, bist du, sagst du*. В баварском диалекте личные местоимения уже стали окончаниями: бав. *bis-sd 'bist-du', sogg-sd 'sagst-du', hobbd-s 'habt-ihr'* [2]. Такие формы, как *biste* и *haste*, также очень распространены в языке детей, правда, в нём они употребляются как одно слово, ср. *de Bommel haste de Bommelmütze*, 1, 9, 21* ('den Bommel hat die Bommelmütze').

* Речь идёт о данных из дневника наблюдений над А., дочерью автора данной статьи, которая воспитывалась в немецкоязычной среде – частично опубликовано в работе [18]. Записи производились со дня рождения ребёнка. Непрерывные записи в дневнике начались с первым словом в возрасте 0, 8, 23 (полных лет, месяц, день). Ребёнок наблюдался в течение всего времени бодрствования. Наряду с записями, касающимися произношения и любого варианта в произношении отдельных слов и словоформ, фиксировалась также языковая и неязыковая информация (морфология, синтаксис, референция, контекст) и учитывались различия между имитированными, полуспонтанными и спонтанными выражениями. Два раза в день записи переносились на карточки и при этом дополнительно анализировалась ситуация, в которой возникло то или иное слово, частотность употребления и изменения в произношении. Все записи проверялись три раза в месяц. Непрерывные записи были закончены, когда

Подобные примеры можно найти не только в истории германских языков. В древнеегипетском также имела место редукция гласных, например сокращались все вторичные слоги. Синтетические формы времени медленно заменялись на аналитические образования [26. P. 3]. Отдельные суффиксы были некогда самостоятельными словами (*sdm.tw.f* 'he is heard (его слышат)' от 'one (один) (*tw*) hears (слышит) (*sdm*) him (его)' (*f*) [Ibid. P. 28]). Вместо союза «и» фразы и слова просто ставились рядом друг с другом [Ibid. P. 68]. Так как египетские иероглифы в большинстве случаев высекались в камне, то с учётом затрат труда и пространственных ограничений здесь особенно ярко проявился принцип экономии, разумеется, до определённых пределов, насколько позволяли религиозные ритуалы и заклинания. Так, логическая связь между словами и предложениями в текстах понималась из контекста [Ibid. P. 36], субъект опускался, если он был имплицитирован текстом [Ibid. P. 113]. В данном случае дискурс заменяет синтаксическую информацию, как и в настоящее время, например, в разговорном немецком языке.

Германское ослабление аффиксов показывает, что после утраты в них гласных звуков взрослые больше не кодируют информацию в окончаниях. У детей дело обстоит по-другому. Первоначально они используют ещё не все языковые средства. Поэтому возникают колебания, так как дети не могут выразить совокупную языковую информацию компактно и одинаково точно, как, например, в следующих выражениях, которые означают 'Papa ist nicht da'. В одних высказываниях точнее передаётся морфосинтаксическая информация, в других – фонетическая. Ср. *l, a, b* vs. *l, c, d* (ср. также [23]):

1. a) [bápaɪsɪs'ə], 1, 3, 12;
- b) [bápaɪzɪdá], 1, 3, 18;
- c) [naɪn bapa], 1, 3, 16;
- d) [pápe da náɪn], 1, 3, 25.

Приведённые выше примеры показывают, что у детей наблюдаются колебания в выборе уровневых знаков кодирования, так как ребёнок способен уточнять формулировки либо морфосинтаксических средств, либо фонетических. С улучшением произношения страдает грамматическая информация, поскольку ограниченные возможности в переработке информации у детей ставят их перед необходимостью выбора. Но этот выбор осуществляется не так, как у взрослых, через улучшение за счёт противоположных направлений (краткость в ущерб точности, фонологическая точность за счёт морфосинтаксической и т. п.). В зависимости от ситуации это приводит к различным решениям, но из-за необходимости выбора, при наличии

А. исполнилось 2,5. С 2,5 записи проводились сначала ежедневно, а затем с интервалами (до восьми лет).

ограничений в обработке невозможно закодировать всю информацию.

Высказывания детей также показали, что ещё незакодированная информация (в отличие от уже не кодируемой информации из-за утраты звуков взрослыми) отчётливее выражается морфологически или с помощью дополнительных лексем. Примерами могут послужить вербализация принадлежности через указание на владельца и его собственность или через дополнительное *haben*. Ср.: 2, *a-d* и 2, *e-g*, а также формулировки просьбы в неопределённой форме или через повелительное наклонение. Ср.: 3, *a, b* и 3, *c-e*.

2. a) Opa Ohr, 1, 2, 1;
b) Papa Socke, 1, 3, 29;
c) André Löffel, 1, 5, 5;
d) Papa (auch) Haare, 1, 5, 11;
e) Ohren hat er, 1, 10, 0;
f) Philipp hat auch Haaren, 1, 10, 13;
g) hatter Schuhe hatter Hase, 1, 10, 18.
3. a) vorsichtig sein! 1, 6, 13;
b) suchen! 1, 7, 30;
c) [Die] Gelbe tu weg! 1, 9, 28;
d) mal noch Boot! 1, 9, 21;
e) gib mir Schippe! 1, 9, 21.

В примерах 2, *a-d* лишь из контекста понятно, о чём идёт речь. В более поздних примерах указание на принадлежность вербализуется уже точнее через слово *haben* 2, *e-g*. Так кодирование перемещается с прагматического уровня на лексический. В выражениях 3, *a, b* информация дана сначала в контексте разговора. Позднее она уточняется благодаря морфологической маркированности глагола 3, *c-e*. Сходные явления обнаруживаются и в синхронной вариативности, зависящей от речевой ситуации. Выбор между повелительным наклонением и инфинитивом имеет место и у взрослых в разговорной речи, в зависимости от коммуникативной ситуации. В неполных предложениях в языке взрослых действует закон экономии, столь необходимый для часто воспроизводимых текстов и в устной речи (и в дорогостоящих древнеегипетских надписях на камнях). Благодаря фоновым знаниям и ситуативному контексту экономия языкового материала становится возможной. Высвобожденные таким образом на экономной организации и переработке усилия могут быть использованы в ситуативном действии и для актуализации последующей информации. Это подтверждают данные по освоению языка ребёнком. Кроме того, что детям приходится иметь дело с типичной для устной коммуникации тенденцией к экономии, в их распоряжении имеется меньше языкового материала и меньше энергии для обработки информации. Взрослые, однако, вынуждены

экономно расходувать перерабатывающий потенциал в силу различных ограничений. Необходимая информация вербализуется в зависимости от обстоятельств и ситуации. То, что понятно из контекста и поэтому менее важно, не вербализуется.

Рассмотрим ещё один пример из языка детей – развитие предложений с союзом *weil*:

4. a) *Nich beißen, s'tu weh!* 1, 10, 3.
b) *Will nich [Brille] aufsetzen, bin so müde.* 2, 1, 6.
c) *Die weint schon, wehgetan hat.* 2, 1, 6.
d) *Das blutet, da der Papa kratzt.* 2, 1, 24.
e) *Die weint, die will nich Fieber messen.* 2, 3, 15.
f) *Der is traurig, weil er das Paket weggenimmt hat.* 2, 3, 6.
g) *Das war traurig, das Kind.* – [«warum?»] – *weil das traurig is, das muß schlafen.* 2, 3, 6.
h) *Du bist größer, weil [abgebrochen].* 2, 3, 7.
i) *A. hat das Mädcheneärgert. ... weil die weil die.* 2, 3, 7.
j) *Ich hab auch gesterneweint, weil der Junge mich schubstehat.* 2, 3, 8.
k) *A. geht nich zu Felizitas.* – [«warum?»] – *weil A. viel geweint hat.* 2, 3, 10.
l) *Muß seifen, weil die Hand krank is.* 2, 3, 10 [mit Pflegewaschlotion für ihre Hände].
m) *Der schreit – weil der Tiger kommt.* 2, 3, 18.
n) *Du bist sauer, weil A. die Sachen ? wollt.* 2, 3, 22.
o) *Oh, der hateweint – weil der weil der hat Angst von der Hilke.* 2, 4, 21.
p) *Der mag, weil der so traurig is, lieber schlafen.* 2, 11, 29.
q) *Grad wollt ich ein Buch lesen, aber da hab ich keine Zeit gehabt, weil ich [auf die Toilette] mußte.* 3, 2, 27.

В высказываниях детей в раннем возрасте причинная связь присутствует имплицитно, в бессоюзных паратактических парах, см. 4, *a, b*, а также 4, *e*. Затем в речи появляются бессоюзные конструкции, в которых глагол занимает последнее место 4, *c, d*. Паратактические связи с внутренним каузальным отношением, которое должно раскрываться из контекста, также имеются в овладеваемом ребёнком языке. В возрасте 2 лет и 3 месяцев А. наконец-то использует союз, сначала в двух отдельных предложениях 4, *g, k*. Обрыв предложения 4, *h, i* или неуверенность в построении фразы бывают редко. В 4, *o* А. образует предложения с *weil*, причём глагол она ставит на второе место что характерно для разговорного языка. Примеры 4, *p, q* демонстрируют постоянно усложняющуюся со временем структуру: сначала с включённым каузальным предложением, затем она представляет собой уже два матричных предложения с каузальным предложением. Частотность употребления придаточных

предложений для выражения причинной связи в возрасте 2 лет и 7 месяцев возрастает. Осознание же необходимости в построении сложноподчинённого предложения развивается под влиянием ситуативного контекста. Усложнённость нарастает постепенно. При этом случаются колебания, старые и новые структуры сосуществуют. Медленно смещается и уровень кодирования.

При образовании *wenn-dann*-предложений важным для ребёнка фактором становятся заданные языком схемы: модели предложения, например, предварительные объявления о планах на сегодняшний или на следующий день: *wenn die A./du ausgeschlafen ha/s/t, dann... wenn die A./du Frühstück gegessen ha/s/t, dann...* которые заполняются сообразно ситуации:

5. а) *Heute auseschlafen habt, dann könn wir zu Alice gehn.* 2, 1, 16.
- б) *Heute A. auseschlafen hat, dann holn wir Pakete.* 2, 1, 21.
- в) *Auseschlafen hat, dann könn wi zu Felizitas.* 2, 1, 21.
- д) *Wenn du Frühstück gegessen hast, die A., kaman das essen.* 2, 1, 28 ['Wenn ich Frühstück gegessen habe, dann kann ich das essen', bezieht sich auf Süßes, das es erst nach dem Frühstück gibt].

Наличие моделей даёт возможность создавать более сложные выражения с минимальными усилиями. На других языковых уровнях также можно найти моделированность, а именно в процессе овладения фонологическими и морфологическими структурами [20, 21], а также лексическими значениями [22]. Такая тактика характерна и для взрослых, например, образование новых предлогов по аналогии вынуждает прибегать к уже существующему образцу. Формальные критерии, такие как количество слогов и ритм, спонтанны и осваиваются легко. Вместе с одинаковым или очень похожим контекстом они помогают вспомнить, повторить и имитировать конструкции. Позднее по этому образцу строится множество конструкций, таким образом возникают парадигмы (*im Laufe / Falle / Lichte / Sinne... + P. п.*). О моделях и стандартных шаблонах в языке взрослых см., например, [30; 31. P. 65], в языке детей [20, 52], в языках типа пиджин и креольских [31. P. 219; 46. P. 136].

В процессе развития синтаксиса имеет место постепенное усложнение структур. Правда, могут наблюдаться колебания между употреблением коротких предложений и более длинных конструкций с различными отклонениями в овладеваемом языке. Но со временем количество кодируемой информации возрастает, а высказывания всё больше соответствуют нормам языка. В большинстве

случаев смысл сообщения сначала можно понять из контекста. На более поздних стадиях освоения языка информация точно передаётся при помощи языковых средств разных уровней – фонетико-фонологическими, морфосинтаксическими. Иногда бывает значимым количество употребляемых единиц, а не их форма и позиция в предложении. В зависимости от сообщаемой информации форма может выдвигаться на первый план, а порядок слов в предложении может не приниматься во внимание. Если внимание ребенка концентрируется на правильном порядке слов, то может быть выпущен какой-либо элемент и/или наблюдается отклонение в морфологической маркированности. Так, локальные улучшения постоянно приводят к ухудшениям в других областях, поскольку перерабатывающей энергии для вербализации всех аспектов всё ещё недостаточно и она лишь смещается в фокусе. Это объясняется тем, что в речевой деятельности постоянно наблюдается проникновение системы языка в систему речи.

Изменения синтаксических структур имеют дискурсивную природу и представляют собой длительный процесс, который характеризуется сосуществованием старых и новых вариантов. При этом информация может быть выражена то на одном, то на другом языковом уровне, постоянно имеет место опора на модели и схемы. Модель является компромиссным решением, способным, несмотря на отсутствие или экономию энергии, всё же производить сложные структуры. Благодаря жёстким рамкам, которые только частично могут допускать какие-либо варианты (например, *wo's der + X: wo's der Papa, wo's der Elefant, wo's der Mama, vgl. [20]*), мы экономим усилия, которые нам необходимы для аналитических образований (*wo + 's/sind + der/die/das + X*). Модель – это вспомогательная стратегия необходимая для образования структуры по аналогии. Модель – это признак обобщённости значения или, другими словами, это правило для порождения структур.

Функционально-ориентированные модели языкового изменения

Материал по исследованию взаимодействия разных параметров, касающихся изменения языка, можно найти в работах разных направлений и школ, основные теоретические положения которых во многом оказываются сходными. Ср.: [25], *invisible-hand* [32, 40, 41], модель грамматикализации [31. P. 209], теория естественной маркированности (например, [61]), теория языковой экономии [51]. Предмет исследования выбирается, однако, по-разному: иногда языковое изменение рассматривается в общем, порой исследуются лишь определённые участки языкового изменения.

Рассматривая язык с биологической и исторической точки зрения, Людтке утверждает, что, будучи средством коммуникации, в процессе использования язык «изнашивается», слова воспроизводятся с большей небрежностью и поэтому сокращаются [40]. Обычно это не мешает коммуникации, так как в большинстве случаев язык располагает набором необходимых для сохранения оптимальности избыточных средств. Но может наступить момент, когда становится неизбежным восполнение недостающей информации лексическими средствами. Единицы, которые часто встречаются вместе, срastaются в одну. Ввиду частого употребления они, в свою очередь, также становятся короче и т. д. То, что Людтке выделяет как универсальные законы языкового изменения [40, 41], он позднее вместе с Келлером называет феноменами невидимой руки (*invisible-hand*) [32, 42, 43], так как они по природе своей кумулятивны и возводятся к действиям, вызванным одинаковой реакцией людей в сходных ситуациях, причём эта реакция всегда неосознанная. Действия отдельных лиц в конечном счёте ведут к структурным изменениям как в языковой, так и в социальной сферах. Отдельные элементы этого не приемлют, и тогда подключается фактор невидимой руки. И Келлер, и Людтке рассматривают изменение языка как эволюционный процесс. «Изменение языка... есть необходимое следствие наших действий при его использовании» [32. Р. 207]. С тем что изменение языка, как правило, творится говорящими неосознанно и незапланированно, согласны и представители «естественного» направления. Они целенаправленно рассматривают различные грамматические явления, особенно в области фонологии и морфологии, а также синтаксиса, и пытаются установить степени простоты (другими словами, немаркированности или естественности), которые в каждом случае считаются действительными для отдельных языковых областей и иногда противоречат друг другу. Такое короткое, произносимое без интервалов слово, как [gem], является фонетико-фонологически немаркированным, потому что его легче и быстрее произнести, но морфосодержательно оно маркировано, так как менее прозрачно и менее точно по значению, чем [gebən], *geb-en*. Так как говорящие хотят снизить маркированность и соответственно сложность (на это и направлено изменение), концентрируясь на одной области, это, как правило, приводит к увеличению маркированности в другой области, поэтому язык постоянно изменяется, никогда не достигая 'лучшего' состояния, ибо во всех

областях немаркированного состояния возможны только локальные улучшения.

Если «естественные» описания оперируют понятием естественных конфликтов, то в теории языковой экономии используется более общее понятие «необходимые конфликты». Случаи снижения маркированности на морфологическом и фонологическом уровнях зачастую рассматриваются не как противоречащие друг другу, а как взаимодополняющие, если, например, морфологическое средство употребляется в целях сжатия информации и при этом возникают супплетивные формы, то последние при частом их употреблении входят в систему языка [58. S. 42]. В данной концепции существенно большая значимость отводится внеязыковым условиям, нежели в теориях естественности. В то время как естественная морфология специализируется на грамматическом изменении [61], сторонники теории грамматикализации изучают развитие грамматических формантов из грамматикализованных, полуграмматикализованных и лексических единиц. Этот процесс сопряжён с частичной утратой фонетической, семантической и прагматической информации, а также синтаксической самостоятельности [37]. Кроме того, представители этого направления ограничивают рассмотрение лишь отдельными явлениями, которые исследуются сторонниками других концепций, занимающихся проблемами языкового изменения. Однонаправленный спиралевидный процесс грамматикализации идет от свободно стоящих в дискурсе соединений, нефлективных лексем через аналитические и синтетико-агглютинативные образования к синтетическим флективным, которые в дальнейшем снова теряют окончания [27. Р. 208; 37. Р. 13]. Такое развитие может повторяться.

Рассматриваемые концепции различаются спектром задач, стоящих перед ними при исследовании языкового изменения, от обобщенных исследований до специальных, но все они исходят из понимания взаимодействия языковых параметров. Все указывают на конфликтные ситуации, в которых оказывается говорящий при выборе языковых средств разных уровней. Изменение в языке происходит из-за нашего стремления к оптимизации речи [40, 41]. В соответствии с принципом экономии (*principle of economy*) [31. Р. 65] мы хотим оптимизировать баланс между затратами и эффективностью [32. Р. 166; 40], а поэтому мы расходует усилия экономно [61. Р. 297], достигая таким образом коммуникативных целей с наименьшими затратами [51. Р. 249, 257 и т. д.]. (Эндогенное) развитие языка «возникает как невольный, неосознанный продукт из соединения свободы выбора и стремления к оптимизации в процессе языковой деятельности» [40. Р. 11]. Представители всех подходов признают в качестве весомых

факторов роль говорящих и слушающих и коммуникативную ситуацию, которые в конце концов приводят к постоянным конфликтам. С одной стороны, мы хотим затратить как можно меньше усилий, а с другой – хотим быть понятыми и достичь коммуникативной цели. С одной стороны, мы производим меньше звуков, морфем и слов, затрачивая при этом меньше сил на артикуляцию. С другой стороны, чтобы суметь точнее передать значение, мы должны произвести больше звуков, морфем и слов. При большем количестве языковых единиц снижается потребность в количестве языковых комбинаций, при меньшем количестве языковых единиц она увеличивается. Все это приводит к неизбежному дисбалансу при кодировании информации и требует новых решений в процессе её вербализации. В качестве примеров называются многочисленные¹ более или менее противоречивые потребности пользователей языком (См. [40, 50, 51, 61]).

При этом представители естественного направления пытаются обосновать постулат предсказуемости языковых изменений (например, [41, 61], а также вывести принципиальную формулу прогнозируемости изменений. Если естественные теории отдают предпочтение принципу объяснения возникновения и предсказуемости языковых изменений по сравнению с принципом различия маркированности / немаркированности, причем в последних работах чаще говорится о тенденциях к предсказуемости (например, [44, 61]), то сторонники теории языковой экономии традиционно занимаются описанием языковых изменений и очень осторожно относятся к объяснению их возникновения. Они оперируют правилами и принципами и соответственно потребностями, для понимания языковых изменений, не затрагивая вопроса о предсказуемости или естественной необходимости изменений в языке (См. подробнее об этом: [50, 51]). Наряду с идеей предсказуемости существует также идея детерминированности. Хотя для исследователей грамматикализации изменение носит характер направленного, в грамматикализации и в унифицированной направленности, как они утверждают, нет ничего детерминированного [31. S. 95]. Роннебергер-Зибольд выступает против простых объяснений о «невидимой руке», как это было предложено [32], согласно которым изменение исходит кумулятивно и незапланированно от отдельных одинаково действующих говорящих, вполне свободно создающих новые слова, находя компромиссные решения между различными запросами действующей системы. Это создает

возможность творческого использования языка с ориентацией на выход (*output*).

Не существует единого мнения в понимании вопроса об инициаторе языкового изменения. Если речь идет о «говорящих» любого языка, под ними понимаются взрослые; представители естественного направления считают, что дети иницируют (естественные грамматические) изменения. Что касается других рассматриваемых вопросов, связанных с изменениями в языке, мнения представителей разных направлений явно схожи. Они часто совпадают и дополняют друг друга. Так, Келлер исследует общий аспект лексических изменений, естественное направление ограничивается рассмотрением грамматических изменений [61. S. 303], а сторонники теории грамматикализации концентрируют свое внимание на возникновении грамматических единиц. В языковых изменениях важная роль отводится дискурсивным факторам, условиям употребления и пользователю языка. Отмечается, что в речи языковые средства разных уровней вступают во взаимодействие. При этом постоянно возникают конфликты в процессе выбора языковых средств, но достичь оптимальности всей языковой системы невозможно: оптимальное решение может быть достигнуто только локально. Синхронные колебания часто создают почву для языковых изменений. Частотность также рассматривается как фактор изменений: малокомпонентные единицы показывают высокую частотность [40. P. 18; 50. P. 231; 58. S. 41]. Изменения в языке протекают медленно. Старые и новые формы сосуществуют. Эти процессы протекают в рамках согласия говорящих о возрастании постепенных переходов между *langue* и *parole*, диахронией и синхронией, а также между категориями.

Авторы биоэволюционных направлений в языкознании в своих последних работах о языковых изменениях (например, [10–12, 36]) также рассматривают изменчивость языка, исходя из его употребления, допуская плавные переходы между языковыми уровнями и категориями. Изменения основываются на принципах, сопоставимых с эволюционными процессами. Представители этих направлений не уделяют должного внимания психолого-социальным аспектам, но в принципе имеют много точек соприкосновения с представленным в данной статье направлением.

Сетевые модели

В целях лучшего понимания сходств между концепциями языковых изменений, с одной стороны, и сходств между формами изменений (высказываниями детей, историческими, синхронными изменениями) – с другой, а также осознания роли пользователя в общей картине языковых изменений ниже предлагается в

качестве возможного объяснения точка зрения автора, опирающаяся на принцип нейрокогнитивной обработки информации. Данные о сетевом строении мысли (*Netzwerkgedanke*) обусловили возникновение различных направлений, которые в разной степени включают в круг исследований нейробиологические факторы, ср., например, *dynamic systems* [53, 55], *connectionism* [17], *relational networks* [36]. Наш подход учитывает сеткообразное распределение информации в коре головного мозга. Частота употребления языковых единиц отражается в прочности репрезентации этой связи.

Нейролингвистический анализ речи вскрывает механизм связи между нейронными областями, моторными и сенсорными центрами головного мозга. Языковые единицы существуют как однократный рисунок соединения в определенный момент времени и на вполне определенном месте в сетке. Они интерпретируются как единства и передаются символами (например, N(omen), /p/) Сходные единицы обнаруживают сходство в репрезентации (близость, частичное наложение и сходные рисунки соединения, дистрибуции репрезентации (*distributed representation*). При продуцировании слова приходит в возбуждение определенная область сетки. В сложных сетевых моделях наличествуют возбуждающий и тормозящий импульсы. Каждый раз, когда система наполняется энергией, она претерпевает незначительные изменения. Такое состояние головного мозга способствует процессу обучения.

Процесс обучения характеризуется созданием связей. На начальном этапе многие языковые единицы и связи между ними не закреплены или плохо закреплены.

В процессе обработки информации растут плотность и сила закрепляемых связей. Ошибки в речи у обучаемого встречаются реже. Вероятность ошибки при продуцировании длинных, сложных высказываний сначала еще высока, так как весь потенциал говорящего должен распределяться по уровням продуцирования, но его еще не хватает для обеспечения всех узлов в коре головного мозга достаточно высоким уровнем энергии для их возбуждения. Поэтому «выигрывают» те узлы, которые получили самый высокий энергетический потенциал и которые показывают самые прочные связи.

Слово представляет собой сложную, смотря по обстоятельствам, сеть связей, которая охватывает визуальные, аудитивные и другие анализаторы мозга, прежде всего когнитивно-содержательные, но также и формальные области. Этим обеспечивается наличие у каждого человека индивидуального,

специфического рисунка активизации. Все информационные области соединены друг с другом. Ребенок активизирует связи, образованные в прошлом, осознавая сначала только самые важные. При этом выясняется, что не все связи достаточно хорошо функционируют, что наряду с ошибками в перцепции возникают ошибки в продуцировании. Говорящий может выпускать звуки или нечетко их произносить, поскольку активизирующая волна для звука или для некоторых признаков звука была слишком высока. Звук выпадает или вместо активизации этого звука активизируется соседний узел, а это приводит, например, к артикуляции взрывного согласного вместо фрикативного. При активизации разные участки сетки по-разному наполняются энергией. Поэтому в речи этот процесс проявляется в виде изофункциональных выражений одних и тех же значений. Предпочтение отдается тому или иному языковому средству в зависимости от коммуникативной ситуации. Если ребенок концентрирует свое внимание на правильной реализации (морфо-) синтаксической структуры, возникают ошибки внутри сегментов высказывания. Вся хранимая информация в слове должна быть восстановлена, затем она срастается в один относительно прочный активируемый типичный соединительный центр. Он распространяется на все subsystemы, отвечающие за специфические сетевые области, которые возникают в соответствующий период времени. Между областями нет четких границ. Они не даны от рождения. Различные соединения и узлы сначала не несут в себе функционально-специфических ограничений. Последние выкристаллизовываются в зависимости от вида и способа использования всей системы с течением времени. Сходства между различными subsystemами (соответственно индивидуумами) возникают в связи с соответствиями в переработке информации при одинаковых анатомо-сенсорных предпосылках. Поэтому у всех людей области нейронной сетки, отвечающие за продуцирование речи и за другие когнитивные функции, сопоставимы в строении и функционировании, хотя в ходе обучения они приобретают специфические особенности. Узлы, которые представляют собой пучки признаков, а последние понимаются как комплексы узлов, формируются в течение какого-то времени и в сложной ситуации могут быть активизированы не в полном объеме. Поэтому и у взрослых наблюдаются колебания в произношении или способе изложения мысли. При

* Возникают сложности, если производится или припоминается очень длинное или иностранное слово, если при этом одновременно обрабатывается структура предложения или комплексная последовательность мыслительных операций, если ребенок устал и его внимание ограничено. Разумеется, это также относится и к взрослым.

более детальном рассмотрении процесса языковой обработки через нейронные сетки становятся понятными внутрисистемные механизмы этого явления. Поскольку эти механизмы детерминируются структурой нейронного устройства и видом выполняемой работы, наблюдаются параллели между языком ребенка и взрослого.

На ранних этапах обучения отмечается низкий уровень активизирующей энергии в нейронной сетке, в связи с этим допускаются ошибки в коротких словах. Со временем (и в процессе закрепления языковых средств) отклонения в языковой норме уменьшаются, но еще наблюдаются в длинных, аффиксальных, сложных словах и в длинных, сложных предложениях, так как для их воспроизведения требуется переработать много энергии. В силу обстоятельств активизирующая энергия часто сосредоточивается на каком-то отдельном аспекте: либо на окончании, либо на порядке слов, либо на морфосинтаксической структуре, либо на отдельных звуках. Важно, что для овладения языком характерны не скачкообразные переходы*, а постепенные переходы между языковыми средствами при выражении того или иного значения и небольшие сдвиги в структуре его выражения. При обработке языкового материала через нейронные сетки исследователь не проводит резкого разграничения процессов развития, а, наоборот, оперирует понятием ожидания процессов с тенденцией их развития. Принцип сетевого распределения информации дает возможность ее передачи средствами разных языковых уровней, а также контекстом при этом происходит выравнивание недостающей информации другими средствами. Предпочтение может получить тот или иной вариант.

В зависимости от коммуникативной ситуации предпочтение отдается либо одному из вариантов языкового выражения информации либо сдвигу в структуре его представления, что ведет к языковым изменениям.

Данное здесь vorgeschlagene Modell einer netzwerkartigen Verarbeitung von (nicht nur) sprachlicher Information dient zunächst einmal als eine bildhafte Vorstellung. Die künstlichen neuronalen Netze derzeit nicht dazu in der Lage, die Verarbeitung von Sprache in ihrer gesamten Komplexität zu simulieren. Vorläufig lassen sich nur einzelne Erwerbs- und Verarbeitungsaspekte mit Computermodellen untersuchen.

* Скачки редки, но могут также быть объяснены в сетевой модели тем, что при достижении критической массы происходит переструктурирование системы (Ср. [19]).

Es spricht aber einiges dafür, diesen hier eingeschlagenen Weg weiterzuverfolgen. Die Vorstellung von netzwerkartiger Informationsverarbeitung ist im Gegensatz zu beispielsweise generativen Ansätzen biologisch-evolutionär plausibel, weil die neurokognitive Architektur und Arbeitsweise des menschlichen Gehirns als Vorlage dient und die Modelle teilweise eine sehr große Ähnlichkeit dazu aufweisen [35]. Der Ansatz ist im Prinzip vereinbar mit biologisch orientierten Arbeiten, hauptsächlich aber mit Sprachwandelkonzepten wie Natürlichkeit, Ökonomie, *invisible hand* Erklärungen und Grammatikalisierung [20]. Diese Ansätze sind sich darin einig, daß dem Diskurs und den Sprachbenutzern eine wichtige Rolle beim Sprachwandel einzuräumen ist und daß die sprachlichen Bereiche interagieren. Es gibt ständig Konflikte bei der Entscheidung, welche Aspekte der Information präferiert wiedergegeben werden sollen bei welchem Maß an Arbeitsaufwand. Das führt zu Schwankungen und schließlich Wandel, wenn die Verhaltensweisen vieler Individuen eine gemeinsame Tendenz entwickeln. Ständig wird ein Aspekt verbessert, es kann aber nie zu einer Gesamtoptimierung des Systems kommen. Es sind lediglich lokale Verbesserungen möglich. Synchroner Variation bereitet den Boden für Wandel. Frequenzerscheinungen sind ein Faktor. Alte und neue Formen existieren nebeneinander. Schließlich nehmen diese Ansätze graduelle Übergänge zwischen *langue* und *parole*, Diachronie und Synchronie sowie zwischen Kategorien an. Die Vorstellung von netzwerkartiger Verarbeitung liefert uns eine Erklärung dafür, warum es Ähnlichkeiten in der Kindersprache und der geschichtlichen Sprachveränderung gibt, ohne daß wir für unmittelbare Kausalzusammenhänge plädieren müssen. Außerdem spricht einiges gegen die Auffassung, Kinder als Initiatoren von Sprachwandel zu sehen. Viele analogische Bildungen* wie **Fußen*, **ausgezieht*, **geschlapt*, **klavieren* sind bei so gut wie jedem Kind zu hören. Sie werden aber von uns Erwachsenen nie übernommen. Ähnlich häufig bei den Kindern sind Silbenstrukturverbesserungen in Richtung universeller CV-Abfolge wie in **Pinguwine*, **Milich*, engl. **pelease* ‚bitte‘. Wandel findet seinen Ursprung in synchroner Variation. Die verschiedenen Möglichkeiten existieren nebeneinander, bis die eine oder andere langsam ausstirbt. Im Wandel befindliche Formen werden von uns Erwachsenen benutzt (*gehaut* / *gehauen*) und den Kindern angeboten. Für das Aussterben einer Form sind aber nicht die Kinder

* Bybee & Slobin testeten den Gebrauch von innovativen (also abweichenden) *past tense*-Bildungen bei kleinen und älteren Kindern und Erwachsenen und verglichen ihn mit historischem Wandel im Englischen [9]. Erwachsenensprachliche Neuerungen stimmten genauso mit historischem Veränderungstendenzen überein wie kindersprachliche Bildungen. Die Autoren kamen zu dem Schluß, daß auch sozial gesehen morphophonemischer Wandel wahrscheinlich von Erwachsenen ausgelöst wird.

verantwortlich. Sie mögen peripher an Veränderungen beteiligt sein. Kinder treten jedoch nicht als eine homogene Gruppe auf und können ihre Varianten nicht zu allgemeineren Tendenzen kumulieren. Sie haben auch nicht den gesellschaftlichen Status, als Vorbilder zu agieren. Außerdem werden sie von den Erwachsenen korrigiert oder ersetzt in ihrem Bestreben, wie die Erwachsenen zu sein, schließlich ihre Fehlbildungen durch zielsprachliche Formen. Bildungen, die von Erwachsenen auf Dauer toleriert werden, sind auch erwachsensprachliche Varianten. Parallelen zwischen Kindersprache und diachroner Veränderung dürften eher auf Gemeinsamkeiten bei der Sprachverwendung und der jeweiligen Sprache zurückzuführen sein – Bedingungen der Verarbeitung und des Sprachsystems selbst, die für Kinder und Erwachsene in vergleichbarem, wenn auch nicht identischem Maße gelten. Wandel entsteht in der (umgangssprachlichen) Variation der Erwachsenensprache.

Библиографический список

1. AITCHISON J. *Language Change: Progress or Decay?* Cambridge: CUP, 1998.
2. ALTMANN H. Das System der enklitischen Personalpronomina in einer mittelbairischen Mundart. *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*. LI 2. 1984. S. 191–211.
3. ANDERSEN H. Perceptual and conceptual factors in abductive innovations. *J. Fisiak. Recent Developments in Historical Phonology*. Den Haag: Mouton, 1978. P. 1–22.
4. ANTTILA R. *An Introduction to Historical and Comparative Linguistics*. N. Y.: Macmillan, 1972.
5. ARCHANGELI D., LANGENDOEN D. T. *Optimality Theory. An Overview*. Malden, MA: Blackwell, 1997.
6. BARON N. S. *Language Acquisition and Historical Change*. Amsterdam et al.: North Holland, 1977.
7. BERNHARDT B. H., STEMBERGER J. P. *Handbook of Phonological Development. From the Perspective of Constraint-Based Nonlinear Phonology*. San Diego et al.: Academic Press, 1998.
8. BYBEE HOOPER J. Child morphology and morphophonemic change. *J. Fisiak. Historical Morphology*. Den Haag: Mouton, 1980. P. 157–187.
9. BYBEE J. L., SLOBIN D. I. Why small children cannot change language on their own: suggestions from the English past tense. A. Ahlquist. *Papers from the 5th International Conference on Historical Linguistics*. Amsterdam: John Benjamins, 1982. P. 29–37.
10. CARSTAIRS-MCCARTHY A. *The Origins of Complex Language. An Inquiry into the Evolutionary Beginnings of Sentences, Syllables, and Truth*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1999.
11. CROFT W. *Explaining Language Change: An Evolutionary Approach*. Harlow: Longman, 2000.
12. DEACON T. *The Symbolic Species. The Co-evolution of Language and the Human Brain*. L.: Penguin, 1997.
13. DONEGAN P. J., STAMPE D. *The study of natural phonology*. D. A. Dinnsen. *Current Approaches to Phonological Theory*. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1979.
14. DONEGAN P. J. *On the Natural Phonology of Vowels*. N. Y.; L.: Garland, 1985.
15. DRACHMAN G. Child language and language change: a conjecture and some refutations. *J. Fisiak. Recent Developments in Historical Phonology*. Den Haag: Mouton, 1978. P. 123–144.
16. DRESSLER W. U. *Leitmotifs in Natural Morphology*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1987.
17. ELMAN J. L., BATES E. A., JOHNSON M. H., KARMILOFF-SMITH A., PARISI D., PLUNKETT K. *Rethinking Innateness. A Connectionist Perspective on Development*. Cambridge: MA; L.: MIT, 1996.
18. ELSEN H. *Erstspracherwerb. Der Erwerb des deutschen Lautsystems*. Wiesbaden: DUV, 1991.
19. ELSEN H. The acquisition of past participles: One or two mechanisms? / Fabri R., Ortman A., Parodi T. (Hgg.). *Models of Inflection*. Tübingen: Niemeyer, 1998. P. 134–151.
20. ELSEN H. Ansätze zu einer funktionalistisch-kognitiven Grammatik. Konsequenzen aus Regularitäten des Erstspracherwerbs. Tübingen: Niemeyer, 1999.
21. ELSEN H. *Strukturen der Randgrammatik. Germanistika*. Vol. 15. 2000a. P. 33–48.
22. ELSEN H. The structure of meaning. *Onomasiology Online 1* // <http://www.onomasiology.de>] s.v. Elsen1-00/1. 2000b.
23. ELSEN H. Formen, Konzepte und Faktoren der Sprachveränderung. *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*. 29.1. 2001. P. 1–22.
24. ELSEN H. The acquisition of German plurals. W. Dressler, S. Benjaballah, O. E. Pfeiffer, M. D. Voeikova. *Morphology 2000*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002a. P. 117–127.
25. ELSEN H. Sprachwandeltheorien – zwischen Parametersetzen und biologischer Adaptation. Irina V. Shaposhnikova / Valentina A. Stepanenko. *Historical and Typological Studies of Germanic Languages and Cultures*. Novosibirsk: Novosib. State Univ., 2002b. P. 84–95.
26. GARDINER Sir A. *Egyptian Grammar*. Oxford: Griffith Institute, 1927; 1994.
27. GIVON T. *On Understanding Grammar*. N. Y.: Academic Press, 1979a.
28. GIVON T. From discourse to syntax: grammar as a processing strategy // T. Givon. *Syntax and Semantics*. N. Y. et al.: Academic Press, 1979b. Vol. 12: Discourse and Syntax. P. 81–112.

29. HALLE M. Phonology in generative grammar. 1962. Word 18. P. 54–81.
30. HOPPER P. Emergent grammar // J. Aske, Beery, L. Michaelis, H. Filip. Berkeley Linguistic Society. Vol. 13. 1987. P. 139–157.
31. HOPPER P. J., Traugott E. C. Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
32. KELLER R. Sprachwandel. Tübingen; Basel: Francke, 1994.
33. KING R. D. Historical Linguistics and Generative Grammar. Englewood Cliffs. New Jersey: Prentice-Hall, 1969.
34. KIPARSKY P. Explanation in Phonology. Dordrecht: Foris, 1982.
35. LAMB S. M. Pathways of the Brain. The Neurocognitive Basis of Language. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999.
36. LASS R. Historical Linguistics and Language Change. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
37. LEHMANN C. Thoughts on Grammaticalization. München; Newcastle: John Benjamins, 1995.
38. LIGHTFOOT D. Explaining syntactic change // Hornstein, D. Lightfoot. Explanations in Linguistics. L.; N. Y.: Longman, 1981. P. 209–240.
39. LIGHTFOOT D. How to Set Parameters: Arguments from Language Change. Cambridge, MA; L.: Bradford, 1991.
40. LÜDTKE H. Sprachwandel als universelles Phänomen // H. Lüdtke. Kommunikationstheoretische Grundlagen des Sprachwandels. Berlin; N. Y.: W. de Gruyter, 1980a. P. 1–19.
41. LÜDTKE H. Auf dem Wege zu einer Theorie des Sprachwandels. H. Lüdtke. Kommunikationstheoretische Grundlagen des Sprachwandels. Berlin; N. Y.: W. de Gruyter, 1980b. P. 182–252.
42. LÜDTKE H. Invisible-hand processes and universal laws of language change // Language Change. Contributions to the Study of Its Changes. Hrsg. von L. E. Breivik, E. H. Jahr. Berlin; N. Y.: W. de Gruyter, 1989. P. 131–136.
43. LÜDTKE H. The laws of quantitative linguistic change and its corollaries. Folia Linguistica XIV/1-2. 1993. P. 3–13.
44. MAYERTHALER W. System-independent morphological naturalness // Leitmotifs in Natural Morphology / Hrsg. von W. U. Dressler et al. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1987. P. 25–58.
45. MCMAHON A. M. S. Understanding Language Change. Cambridge: CUP, 1999.
46. MÜHLHÄUSLER P. Pidgin & Creole Linguistics. Oxford: Basil Blackwell, 1986.
47. PAUL H. Prinzipien der Sprachgeschichte. Halle: Niemeyer, 1937.
48. PAUL H., Schröbler Wiehl P., Grosse S. Mittelhochdeutsche Grammatik. Tübingen: Niemeyer, 1998.
49. ROMAINE S. The role of children in linguistic change // L. E. Breivik, E. H. Jahr. Language Change. Contributions to the Study of Its Causes. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1989. P. 199–225.
50. RONNEBERGER-SIBOLD E. Sprachverwendung – Sprachsystem. Ökonomie und Wandel. Tübingen: Niemeyer, 1980.
51. RONNEBERGER-SIBOLD E. Sprachökonomie und Wortschöpfung // Vergleichende germanische Philologie und Skandinavistik. Festschrift für Otmar Werner / Hrsg. von T. Birkmann, H. Klingenberg, D. Nübling, E. Ronneberger-Sibold. Tübingen: Niemeyer, 1997. S. 249–261.
52. SLOBIN D. I., BEVER T. G. Children use canonical sentence schemas: A crosslinguistic study of word order and inflection. Cognition. Vol. 12. 1982. P. 229–265.
53. SMITH B. L., THELEN E. A Dynamic Systems Approach to Development: Applications. Massachusetts Institute of Technology: MIT, 1993.
54. STAMPE D. A Dissertation on Natural Phonology. N. Y.; L.: Garland, 1979.
55. THELEN E., SMITH L. B. A Dynamic Systems Approach to the Development of Cognition and Action. Cambridge, MA: MIT, 1994.
56. VIHMAN M. M. Sound change and child language // E. C. Traugott, R. Labrum, S. Shepherd. Papers from the 4th International Conference on Historical Linguistics. Amsterdam: John Benjamins, 1980. P. 303–320.
57. WERNER O. Vom Formalismus zum Strukturalismus in der historischen Morphologie. Ein Versuch, dargestellt an der Geschichte deutscher Indikativ-/ Konjunktiv-Bildungen. Zeitschrift für Deutsche Philologie. B. 84. 1965. S. 100–127.
58. WERNER O. Sprachökonomie und Natürlichkeit im Bereich der Morphologie. Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung B. 42.1. 1989. S. 34–47.
59. WOLF N. R. Althochdeutsch – Mittelhochdeutsch. [= H. Moser, H. Wellmann & N. R. Wolf, Geschichte der deutschen Sprache, Vol. I]. Heidelberg: Quelle & Meyer, 1981.
60. WURZEL W. U. Flexionsmorphologie und Natürlichkeit. Studia Grammatica XXI. Berlin: Akademie Verlag, 1984.
61. WURZEL W. U. Natürlicher Grammatischer Wandel, 'unsichtbare Hand' und Sprachökonomie – Wollen wir wirklich so Grundverschiedenes? // T. Birkmann, H. Klingenberg, D. Nübling, E. Ronneberger-Sibold. Vergleichende germanische Philologie und Skandinavistik. Festschrift für Otmar Werner. Tübingen: Niemeyer, 1997. S. 295–308.